

Всесторонняя борьба

Засѣданіе 4ое

(Пренія о порядкѣ дня.)

Плехановъ. Товарищи! Наши противники утверждаютъ, что если мы отказываемся отъ выработки здѣсь, на съѣздѣ, такъ называемыхъ ими теоретическихъ положеній, то это происходитъ потому, что мы боимся встрѣтиться съ ними въ области теоріи. Я полагаю, что исторія нашихъ взаимныхъ отношеній должна была бы показать нашимъ противникамъ, что мы люди не робкіе и что у насъ нѣтъ никакого основанія чувствовать страхъ передъ ними.

Однажды Бисмаркъ, споря съ Либкнехтомъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, сказалъ: „Мы, нѣмцы, никого не боимся, кромѣ бога!“ Либкнехтъ ему отвѣтилъ: „А мы, социалдемократы, не боимся даже и бога!“ Мы, россійскіе социалдемократы меньшевики еще безстрашнѣе: мы не боимся не только бога, но даже и товарищей большековъ, которые страшнѣе бога (аплодисменты). Что касается лично меня, о которомъ тоже говорили наши противники, то я пріѣхалъ на съѣздъ, несмотря на плохое состояніе здоровья, не потому, что я избѣгаю встрѣчи съ товарищами-большевиками, а потому, что я люблю встрѣчаться лицомъ къ лицу со своими противниками. Повторяю, мы васъ несколько не боимся, товарищи, хотя вы и хотите запугать насъ, крича, что если не будутъ выработаны желательныя для васъ теоретическія указанія, то пролетаріатъ будетъ имѣть право обвинять насъ въ измѣнѣ. Это сильно, но слишкомъ неосновательно, чтобы на этомъ останавливаться. Если-бы мы хотѣли избѣгать обсужденія руководящихъ принциповъ; если-бы мы хотѣли отступать отъ васъ, то намъ выгоднѣе всего было-бы отступить въ безплодную пустыню отвлеченныхъ разсужденій. Но мы не хотимъ затеряться въ этихъ пустыняхъ и потому гово-

римъ вамъ: при обсужденіи каждаго отдѣльнаго вопроса поднимайтесь на всю достижимую для васъ теоретическую высоту, но не вдавайтесь въ отвлеченности. Вѣдь именно эти отвлеченности, эти абстрактные споры насъ и поссорятъ и мы не исполнимъ воли пославшихъ насъ, какъ выразился предыдущій ораторъ. Именно распри изъ за отвлеченностей были-бы измѣной тѣмъ людямъ, которые послали васъ сюда, товарища-большевики! (Крики справа: не „люди“ — „товарищи“!) Ну, да, — товарищи! Но вѣдь и товарищи тоже люди!

То, что вы называете выработкой теоріи, уподобило-бы насъ англійскому парламенту 17-го вѣка, выработывавшему и принимавшему большинствомъ голосовъ англійскій prayer book, т. е. молитвенникъ. Политическая партія такими дѣлами заниматься не можетъ.

Насъ обвиняютъ въ ревизионизмѣ. Но ревизионисты утверждаютъ, что ссылки на теорію Маркса — бесполезны; мы-же стараемся всѣ конкретные политическіе вопросы разбирать во всеоружеи Марксовой теоріи. Это, какъ видите, большая разница.

Здѣсь говорятъ, что спорить о государственной Думѣ значить, спорить о „мнимой величинѣ“. Государственная Дума — мнимая величина?! Но вѣдь въ Думѣ засѣдаетъ т. А—скій. Неужели онъ — тоже мнимая величина? (смѣхъ) А наша избирательная кампанія? Неужели и она представляетъ собою мнимую величину? Нѣтъ, товарищи! Дума стала фактомъ, съ которымъ мы не можемъ не считаться. Конечно, права Думы, — напимѣръ, ея бюджетное право, — могутъ быть названы мнимыми. Но вѣдь это надо еще *показать народу*, а показать ему это можно *только путемъ опыта*, ради котораго намъ необходимо поддерживать Думу въ ея столкновеніяхъ съ правительствомъ.

Думу, эту „мнимую величину“, могутъ не сегодня—завтра разогнать и тогда она станетъ нулемъ. Но мы не можемъ отнестись къ этому безразлично. Намъ придется опредѣлить, какъ намъ отнестись къ разгону Думы, какъ намъ отвѣтить на ея разгонъ. Т. Ленинъ сказалъ: наши западные товарищи прониклись-бы большимъ уваженіемъ къ намъ, если-бы услышали, что мы занимаемся выработкой теоретическихъ положеній. Совершенно напротивъ! Западные товарищи съ изумленіемъ пожали-бы плечами и сказали-бы: „странные люди эти россіяне! Дѣла у нихъ непочатый уголь, а они, подобно средне-вѣковымъ схоластикамъ, тратятъ время на безплодные споры о томъ, сколько ангеловъ можетъ помѣ-

ститься на концѣ булавочнаго острія“. И это не потому, что наши западноевропейскіе товарищи относятся отрицательно къ теоретическимъ спорамъ. Ничуть не бывало! Нѣкоторые изъ нихъ поднимаются въ своихъ спорахъ на гораздо большую высоту, чѣмъ многіе и многіе изъ нашихъ товарищей. Но они умѣютъ въ то же время ставить свои споры на конкретную почву. А у насъ именно этого-то и не вышло-бы, если-бы мы приняли ваше предложеніе.

Кстати, о Ленинѣ. Онъ приписалъ мнѣ слѣдующее разсужденіе: такъ какъ у насъ совершается буржуазная революція, то мы должны заключить союзъ съ буржуазіей. Я, открывая съѣздъ, — сказалъ не такъ. Я сказалъ вотъ что: силъ одного пролетаріата не достаточно для рѣшительной побѣды надъ реакціей; ему нужны союзники. И нашъ съѣздъ долженъ будетъ рѣшить, гдѣ ему слѣдуетъ искать союзниковъ. Я категорически заявилъ, что, открывая съѣздъ, я считаю преждевременнымъ высказывать свой собственный взглядъ на этотъ вопросъ. Такимъ образомъ, т. Ленинъ совершенно извратилъ смыслъ сказаннаго мною. А что намъ придется толковать здѣсь о союзникахъ, это знаете вы всѣ, и тутъ я былъ совершенно, неоспоримо правъ!

(Аплодисменты.)